

Павел Иванович Мельников-Печерский

Семейство Богачевых

Павел Иванович Мельников- Печерский Семейство Богачевых

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377565
Княжна Тараканова и принцесса Владимирская : повести,
рассказы, письма, очерк / Павел Мельников (Андрей
Печерский).: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52030-5*

Аннотация

«Прадед Семена Родионовича, Кирилл Дементьев Богачев в конце XVII века числился в разряде «тульских казенных кузнецов и ствольных заворщиков»; иными словами: был житель Тулы и принадлежал к податному сословию, между тем как предки его в первой половине XVII века числились в разряде бояр и детей боярских. Каким образом утратилось потом дворянское достоинство Богачевых, неизвестно; но, как бы то ни было, Семен Родионыч и его родной брат Иван принадлежали к податному сословию и в половине прошлого столетия значились «железных водяных заводов содержателями». В это время братья Богачевы имели в Туле несколько фабрик: молотовую, гвоздевую, катальную и др., на которых и работало до полутора ста человек, частью

вольнонаемных, а частью купленных Богачевыми на чужое имя...»

Содержание

I	5
II	18

Павел Иванович Мельников-Печерский Семейство Богачевых

I

Семен Родионович Богачев

Лишь только путник спустится с крутого склона дороги, прорытого между двух довольно больших холмов под самым губернским городом В***, и переедет реку Кимжу, когда-то глубокую и многоводную, а теперь хотя и быструю, но мелкую, как тотчас же во всей окружающей обстановке заметит резкую перемену. Прежняя глинистая почва, при первом дожде превращающаяся в какой-то липкий кисель, переходит в не менее утомительный для пешехода сыпучий песок; вместо прежних гладких полей и лугов, по которым, как островки, были разбросаны там и сям небольшие рощицы, взорам путника представляется громадная пойма, а за ней синеют обширные сосновые леса, потомки тех лесов, которые в прошлом столетии сплошной непроходимой грядой тянулись да-

леко за Кимжу и наконец сливались с когда-то знаменитыми лесами Муромскими.

Так едете вы верст девяносто. Но вот лес мало-помалу начинает редеть, все дальше и дальше отодвигаясь от дороги, и наконец вы выезжаете на огромную поляну, на которой широко раскинулась зеркальная поверхность громадного озера, на отдаленном берегу которого вы видите какие-то странные, своеобразные постройки, общим видом напоминающие не то крепость, не то какой-то средневековый замок. Широкая плотина охватила озеро с южной стороны; посредине этой плотины возвышается большое и красивое двухэтажное здание, в нижнем этаже которого вы видите огромную арку; левее здания целый ряд построек, похожих на длинные каменные сараи; над одним из этих сараев бьет целый ряд огненных фонтанов, которые, по мере того как сумерки начинают окутывать землю, становятся явственнее и явственнее; за сараями возвышается увенчанный пятью главами красивый храм. Вы едете дальше, и до слуха вашего начинает долетать смесь самых разнообразных звуков; тут вы слышите разом шум и плеск падающей воды, грохот вертящихся под ее напором колес, какой-то отдаленный и глухой гул, и все это заглушается страшными громовыми ударами, раздающимися из одного из сараев, над которым высоко поднимаются огненные столбы.

– Что это за крепость? – невольно спрашиваете вы ямщика.

– А это Селезневский завод Богачева, – отвечает возница. – Вон видишь: длинные-то сараи – это и есть самый завод, а где огненные-то столбы ходят, это молотовая.

– А это что за двухэтажный дом с воротами?

– Это господский дом да разные господские заведения, – поясняет ямщик.

Едем дальше.

Миновав небольшую деревушку Выселок, мы поехали вдоль какой-то каменной постройки, тянувшейся с добрую четверть версты; далее началась массивная ограда во вкусе екатерининских времен; потом мы въехали в довольно узкие ворота, и взорам нашим представился грандиозный дворец. Посредине он двух этажей, а по бокам его идут два одноэтажные флигеля; правый из них отделяет господский двор от заводской базарной площади, посреди которой воздвигнут красивый храм, а левый флигель упирается в то длинное каменное здание, вдоль стены которого мы только что ехали. Правее ворот еще двухэтажный корпус; это заводская контора.

Войдемте же в господский дом.

Пройдя огромный, мрачный, вымощенный чугунными плитами коридор нижнего этажа, мы очутимся на

крыльце заднего фасада дома, выходящем в сад. Вид с крыльца превосходный: прямо перед вами расстилается широкая, усыпанная песком эспланада, края которой с необыкновенным вкусом убраны бесчисленным множеством цветов; левее эспланады видны огромные и красивые оранжереи, а прямо перед вами, с лишком на 120 сажен, тянется грандиозная липовая аллея, огромные деревья которой ясно свидетельствуют об ее более чем полувековом существовании; в конце аллеи видны развалины большой каменной беседки, а далее, как зеркало, блестит огромное озеро.

Между оранжереями и восточной стеной сада лежит огромный пустырь, в котором, кроме глуши и дичи, вы не встретите ровно ничего; где-то где торчит одиноко какое-нибудь жиденькое деревцо да куст можжевельника; посередине пустыря глубокий овраг. Тяжелое впечатление производит это как бы забытое всеми место сада, к которому, кажется, никогда и не прикасалась рука человеческая. Это так называемый «Страшный» или «Пантюшкин» сад, имеющий свою таинственную историю.

Но возвратимся к дому.

Поднявшись по одной из лестниц, ведущих из мрачных сеней во 2-й этаж, и повернув налево, вы входите в роскошный зал, убранство которого великолепно.

но; такие залы нельзя встретить в частных домах; они присуши только царским чертогам. По бокам залы два балкона: один выходит на эспланаду сада, другой на господский двор, озеро и заводские постройки с их огненными фонтанами, шумом и грохотом. Вид с этого балкона восхитительный. Влево от залы начинается целая анфилада поистине царских комнат, а за ними следуют уже и жилые покои. Это жилая половина дома. Правее зала расположен также целый ряд комнат, но они необитаемы и представляют страшное запустение и развалины, незаметные только снаружи. Нижний этаж по расположению комнат напоминает верхний, а под этим этажом находятся подвалы, частью от времени разрушившиеся, и молва гласит, что из некоторых подвалов когда-то были подземные ходы, выходившие в поле. Молва эта, может быть, и справедлива, если принять в расчет время и обстоятельства, среди которых жил основатель и первый владелец селезневского завода, Семен Родионович Богачев, имя которого и теперь, более полувека спустя, произносится на заводе с каким-то паническим страхом.

– Кто же был этот грозный Семен Родионович? – спросит читатель.

Прадед Семена Родионовича, Кирилл Дементьев Богачев в конце XVII века числился в разряде «туль-

ских казенных кузнецов и ствольных заворщиков»; иными словами: был житель Тулы и принадлежал к податному сословию, между тем как предки его в первой половине XVII века числились в разряде бояр и детей боярских. Каким образом утратилось потом дворянское достоинство Богачевых, неизвестно; но, как бы то ни было, Семен Родионыч и его родной брат Иван принадлежали к податному сословию и в половине прошлого столетия значились «железных водяных заводов содержателями». В это время братья Богачевы имели в Туле несколько фабрик: молотовую, гвоздевую, катальную и др., на которых и работало до полутора человека, частью вольнонаемных, а частью купленных Богачевыми на чужое имя. Для такой купли они имели даже особого «подручного» человека, некоего чиновника Долговского, на имя которого и совершали купчие крепости.

Семен Богачев был человек твердого характера, человек в высшей степени энергичный и, что называется, широкая натура, и потому узкие рамки тульской деятельности оказались ему тесны; он задумал устроить что-либо более грандиозное, и вот его проницательный взор остановился на глухой, лесистой и многоводной местности верховьев Оки, богатой углеродно-кислым железняком.

Как раз кстати меньшей брат Иван женился в то

время на богатой девушке, и Семен, недолго думая, предложил брату употребить женин капитал в дело; тот согласился, и вот в 1755 году в 4-х верстах от Оки возник первый завод Богачевых – Унженский, а через три года на границе губерний В*** и Р*** возник и известный уже читателю завод Селезневский, а спустя 8 лет они основали превосходный завод Пыхсинский, служивший любимым их местопребыванием. В 1783 году братья полюбовно разделились: Селезневский завод, вместе с тремя другими, всего более 10 тыс. душ, достался Семену Родионовичу, а в том же году императрица Екатерина II возвратила Богачевым и их прежнее дворянское достоинство.

Впрочем, при приобретении земель действовала не одна купля, а Семен Родионович употреблял для этого и иные средства.

В то время по верховьям Оки ютились целые разбойничьи шайки, для которых Богачев был истинной грозой; он всячески истреблял эти шайки, но зато первый же захватывал в свои руки имения мелких землевладельцев, из которых редкий не был в дружбе с разбойниками; в ограждение-то от них Богачев и построил свою усадьбу-крепость и для всякого случая сделал из нее подземные ходы в чистое поле. Молва гласит, что Богачев нередко пускал в ход еще и следующий забавный способ приобретения чужой соб-

ственности. Семену Родионовичу приглянулся, положим, известный участок земли, и вот он объявляет свою претензию на эту дачу; приезжают следователи; собирают крестьян-понятых, которых по приказанию Богачева тотчас же и ведут на барский двор, велят разуться и в их лапти насыпают земли с богачевского двора; затем понятые обуваются и идут на спорную дачу.

– На чьей земле стоите? – спрашивает следователь.

– На богачевской! – отвечают в один голос понятые, и дача, понятно, остается за Семеном Родионовичем.

А вот для примера и еще случай приобретения крестьян и земли, доказывающий полнейшее всемогущество Богачева. У одного из соседних помещиков Богачев оттягал деревню Роксаново, причем прежний ее владелец исчез неизвестно куда; наследники помещика начали дело, приехали следователи, которые осмотрели издали и самую деревню и, переночевав у Богачева, утром собрались ехать в Роксаново; выштли на крыльцо, и что же?.. Видят, что деревни как не бывало!

– Где деревня? – спрашивают следователи у понятых.

– Знать не знаем и ведать не ведаем! – отвечают те. – Да такой деревни у нас и не было!

С тем следователи и уехали от Богачева. После оказалось, что две тысячи человек работали в ночь пребывания на заводе следователей; деревню разнесли по бревнышку, а землю вспахали, так что и следа деревни не осталось, а жителей ее Богачев разослал по своим заводам.

Вообще Семен Богачев был человек с железным характером, непреклонной волей и большой самодур; но, будучи в то же время человеком умным, умел ладить с сильными мира сего, а потому всякое самодурство и сходило ему с рук. Он был любим даже князем Потемкиным-Таврическим и находился с ним в дружеской переписке. Хотя лично с князем и не был знаком, но зато заочно умел заслужить своими подарками полное его расположение; зимою, например, Богачев посылал князю свежие фрукты из своих великолепных оранжерей, а когда, говорят, Потемкин стоял под Очаковым, то Богачев посылал ему туда соленых рыжиков и других любимых князем яств. Одним словом, он как нельзя лучше умел угодить вельможному князю. Зато с местными властями Богачев обращался вполне бесцеремонно. Раз по какому-то делу приехал к нему губернатор, но Семену Родионовичу почему-то не заблагорассудилось его видеть, и он велел сказать губернатору, что он принять его не может. Делать было нечего, и губернатор поехал в ближай-

ший уездный город К***. Между тем Богачев вручил одному из своих слуг пакет, велел обогнать губернатора и, дождавшись на крыльце его городской квартиры, вручить пакет его превосходительству. Слуга исполнил приказание в точности, а превосходительство остался такой выходкой Богачева очень доволен, так как в пакете было вложено 50 тысяч рублей. Самодурство Богачева иногда доходило до того, что он считал для себя все возможным; невозможного для него ничего не было, а время и расстояние для него как бы и не существовали. Уездный город К*** город отчасти татарский; татары народ довольно честный, и потому Богачев вел с ними большую дружбу; особенно он любил некоего Селима, которому потом составил большой капитал и выстроил в К*** дом. Раз Селим приехал к Богачеву.

– Ну, что твой дом? – спросил Богачев.

– Да еще не отделан, – ответил Селим.

– Ну, так останься у меня на день.

Селим остался. Вдруг около полуночи Богачев разбудил Селима и велел ему ехать домой. Приехал Селим в новый дом и видит, что точно какой-то волшебной силой дом был превосходно отделан. Сто человек Богачев отрядил накануне в К***, и они-то в течение суток вполне отделали дом Селима.

В числе прочих заводов у Богачева был завод

Верхнеунженский, стоявший в непроходимом месте. В 1788 году Россия объявила войну Швеции. Богачев, пользуясь этим случаем, предложил государыне отлить безвозмездно для артиллерии пушки и ядра. Государыня охотно приняла предложение; пушки были отлиты и кое-как при помощи солдат были доставлены в Селезневский завод. Но тут случилось нечто неприятное для Богачева: офицер-приемщик начал браковать богачевские изделия; Семен Родионович этого не стерпел, рассерженный вбежал к офицеру, и что между ними происходило – неизвестно; известно только, что офицер неожиданно куда-то исчез, но куда, этого никто не знал. Приехал другой офицер, который все и принял, а Богачев за свои изделия получил чин, дорогие подарки и дозволение иметь почетную стражу, которая постоянно окружала его дом и конвоировала его карету.

Несмотря, однако, на непреклонную волю, сильный характер и строгость, Семен Богачев не был жесток.

Раз только проявил он свою жестокость. Однажды перед ним провинился какой-то Пантелей, или попросту – Пантюшка. Богачев велел поставить его в деревянную рамку и подтянуть петлей за горло так, что тот мог стоять не иначе, как только на пальцах ног. Долго ли стоял в таком ужасном положении несчастный Пантюшка, неизвестно; только он был найден потом

удавленным. Богачев приказал похоронить его похристиански, но священник было заартачился. «Передайте попу, что если он не исполнит моего приказа, – сказал разгневанный Богачев, – то я познакомлю его с «домной»¹. Делать было нечего: против рожна прать было нельзя, и Пантюшка был отпет похристиански.

Таков-то был Семен Родионович Богачев.

Некоторые старожилы помнили его уже семидесятилетним стариком. По их рассказам, лицо он имел выразительное; на нем ясно отражались и его ум и его железная воля; лоб у него был широкий; брови тонкие, сдвинутые к широкому носу; губы тонкие; темно-русые с сильною проседью волосы он носил под гребенку. Он умер 19 декабря 1799 года, 73 лет, и похоронен у престола заводской кладбищенской церкви. Над могилой его поставлен двухсаженный каменный столб, увенчанный шаром и крестом.

Предание говорит, что незадолго до смерти Богачева случилось довольно странное происшествие. По случаю какого-то праздника у Богачева был бал, а в саду иллюминация. Когда гости толпой пошли по главной аллее сада смотреть освещение и дошли до находившейся в конце аллеи каменной беседки, то вдруг на крыльце последней появился огромный черный че-

---

¹ Заводская плавильная, или так называемая «домовая» печь.

ловек с оскаленными зубами. Все, конечно, в испуге бросились назад и сообщили об этом Богачеву. Говорят, что Богачев, услышав это, страшно побледнел и сказал: «Это смерть моя приходила за мной!» И действительно, немного времени спустя Богачев умер.

II

Наследники Семена Богачева

Семен Родионович был женат, и от этого брака имел сына Сергея, которого мы будем называть «Сергей старший». Покойный Семен Родионович почему-то сильно недолюбливал его, а потому Сергей Семенович не только не жил с отцом, но никогда не бывал у него, а проживал на одном из его дальних заводов. Овдовев, Богачев жил с любовницей, какой-то Марфой Гавриловой, от которой также имел сыновей: Сергея младшего, Александра и Григория.

Когда Богачев умирал, то при нем не было ни сына Сергея, ни внука Петра, уже семнадцатилетнего юноши, вообще не было никого из родных, а его окружали одни только приказчики и другие его служащие, которые и спросили умирающего: кому он предоставляет свое громадное имение и состояние?

– Тому, – отвечал Богачев, – кто кого одолеет.

Когда Семен Родионович умер, то тотчас же об этом известили его законного сына и наследника, Сергея старшего, который немедленно приехал и похоронил отца.

Вскоре после смерти грозного и полновластного

Богачева началось постепенное разорение его имущества и упадок всех его заводов; начались между законными и незаконными его наследниками нескончаемые дела и процессы, которыми в то время буквально были завалены различные присутственные места, начались всевозможные споры и кляузы, тайное и явное расхищение его громадного имущества и вообще всякого рода «темные дела».

Недаром же Богачев сказал, умирая, что его имение достанется тому, кто одолеет; видно, сердце его чуяло всю ту неурядицу, которая началась вслед за его смертью.

Первый наложил руку на все огромное имущество покойного его законный сын Сергей Семенович, человек в то время уже вдовый и пожилой, живший с любовницей, какой-то Федосьей Григорьевой, от которой имел сына Луку и двух дочерей. Эти дети жили при отце вместе с его законным сыном Петром, но жили под названием «воспитанников», и хотя были крещены в местной заводской церкви, но, по приказанию самого Сергея Семеновича, в метрики записаны не были. На их воспитание отец не щадил никаких средств, и действительно, его «воспитанники» получили превосходное образование и впоследствии составили себе блестящую карьеру: Лука добился чина полковника, а его сестры вышлись за генералов.

Между тем любовница покойного старика Богачева, видя, что Сергей Семенович сделался единственным наследником, объявила себя второй законной женой Семена Родионовича и требовала от Сергея Семеновича себе и своим детям законной части имения; однако Сергей не признал законности ее брака и послал об этом государю всеподданнейшее прошение, в силу которого императором Александром I и был утвержден единственным наследником отцовского имения, но с тем, однако, условием, чтобы это имение он не мог ни продать, ни заложить; дело же о законности брака Марфы Гавриловой государь повелел передать на рассмотрение Св. синода.

Таким образом, Сергей Семенович был утвержден в правах наследства, а его любовница, Федосья Григорьева, сделалась полной в имении хозяйкой.

Здесь невольно является вопрос: был ли в самом деле покойный Богачев женат на Марфе Гавриловой? Вероятнее всего, что не был, потому что, если бы действительно он был женат на ней, то, будучи человеком в высшей степени аккуратным, он наверное позаботился бы об имени и звании своих детей и о их гражданских правах, тем более, что он хорошо знал, что эти вторые дети после его смерти будут иметь сильного соперника в лице Сергея старшего. Однако такой заботливости о детях покойный Богачев не оказал; да

наконец, если бы Семен Родионович действительно был обвенчан с Марфой Гавриловой, то его брак не прошел бы незамеченным на заводе и Наверное живо сохранился бы в памяти местных жителей. Но ничего подобного мы не видим. Точно так и Св. синод не нашел возможным брак Марфы с Богачевым признать действительным, вследствие чего Марфа Гаврилова и была обязана подпиской: «впредь непринадлежащим ей званием и достоинством не именоваться».

Однако этим дело ее не кончилось, а, как увидим дальше, с этого оно главным образом и началось.

Сергей Семенович, сделавшись полновластным после отца хозяином, в 1800 г. уехал с любовницей, законным сыном Петром и тремя «воспитанниками» в Петербург, где и прожил до самой смерти, случившейся в 1816 году.

В течение этого времени его любовница, ставя на вид то обстоятельство, что у Сергея есть законный сын Петр, неотступно убеждала его обеспечить ее «воспитанников». Сергей согласился и отдал на ее волю выбор средств обеспечения. Тогда она прежде всего удалила из Петербурга законного сына Петра, который 10 лет почти без всяких средств и прожил на Селезневском заводе, между тем как Федосья неограниченно стала распоряжаться всем громадным иму-

ществом покойного Богачева. Она вывезла из Селезневской усадьбы все драгоценности, продала огромные заводские леса, приобрела на свое имя богачевские дома и в довершение всего отбирала от заводской конторы всю наличную выручку, не оставляя денег даже для расчета с рабочими. Такими-то способами она в непродолжительном времени составила себе и своим детям капитал не менее 10 милл. р. ассигн., захватив при этом в свои руки капитал и имение покойной законной жены Сергея, т. е. матери Петра. Наконец незадолго до смерти Сергея она обвинялась с ним, человеком уже совершенно больным, и заставила его хлопотать о признании «воспитанников» его законными детьми. Действительно, благодаря деньгам и какому-то счастливому случаю, «воспитанники» Сергея, т. е. незаконный его сын Лука с двумя сестрами, в 1814 г. высочайшим повелением были признаны законными. Петр, живя вдали от семьи, ничего этого не знал и узнал обо всем уже по смерти отца, когда приехал в Петербург.

Напрасно несчастный наследник в просьбе на имя государя доказывал свои законные права на наследство: в просьбе ему отказали, а сенат указом велел предоставить управление именьями всем наследникам Семена Богачева сообща, с тем, чтобы в продолжение двух лет они полюбовно разделились. Но так

как раздела не последовало, то все богачевские имения и поступили в заведование местной дворянской опеки, которая длилась 31 год и так успешно опекала громадное имущество Семена Родионовича, что сделала заводам убытка с лишком на 3 миллиона рублей, за каковые деяния опекуны в 1835 г. высочайшим повелением и были преданы уголовному суду, а частям главных наследников: законного сына Петра, Луки, Григория младшего, незаконного от Марфы Гавриловой сына старика Богачева, был учинен сенатом раздел.

– Что же случилось с любовницей покойного Семена Родионовича, Марфой Гавриловой? – спросит читатель.

Долго ли она жила на заводе по смерти старика Богачева, неизвестно; но в 1806 году она проживала уже в Петербурге, где ожидала решения сената о признании ее законной женой Семена Богачева и где она явила на могущую достаться ей по разделу часть дарственную запись на имя своего старшего сына, Сергея младшего; однако она не дождалась окончания дела и умерла в 1828 г., а через два года ее дети: Сергей младший, Александр и Григорий, были признаны законными наследниками. Почти 30 лет тянулось это дело, а пока оно тянулось, два старшие ее сына, Сергей и Александр, успели умереть, и в живых остался

один только Григорий.

Между тем, за год до признания детей Марфы законными наследниками, в петербургскую гражданскую палату было подано духовное завещание Марфы, и было подано одним из известных в то время казуистов и человеком весьма тонким, неким отставным секретарем Климом Ивановичем Багрянцевым, известным более под названием «отставной чернильницы», который самолично и писал завещание безграмотной Марфе. Это завещание по существу своему было очень замечательно: взглянешь с одной стороны, Клим Иванович, по смыслу завещания, оказывался душеприказчиком и распорядителем части, могущей достаться Марфе Гавриловой; с другой стороны, тот же Клим Иванович оказывался не только распорядителем, но и полным хозяином этой части, могущим, по своему усмотрению, наградить наследством лиц, поименованных в особом расписании, приложенном к духовному завещанию. Гражданская палата это завещание утвердила и выделила из имущества старика Богачева часть Марфы Гавриловой Багрянцеву, не уведомив, однако, об этом завещании прямых наследников Семена Родионовича.

Читатель, вероятно, помнит, что в 1835 г. имуществу старика Богачева был произведен сенатом раздел, по которому незаконный сын его, Григорий, полу-

чил себе Селезневский завод, Лука и Петр другие заводы, а на долю бедного Клима Ивановича досталось не более, не менее, как 4500 душ крестьян, городские дома, покосы ит. п., всего на сумму более миллиона рублей.

Такой раздел поразил Богачевых. «Кто этот Клим Иванович, – спрашивали они друг друга, – и что это за завещание, о котором мы и не слыхивали?» И вот они за разъяснением этих вопросов обратились к сенату.

Сенат объявил им завещание Марфы Гавриловой, но, пока шла по этому поводу переписка и дело тянулось, – а в старину, как известно, дела тянулись по долгу, – достопочтенный Клим Иванович владел да владел миллионною частью Марфы, но вдруг случилась для него маленькая неприятность.

Одна из наследниц Семена Богачева, именно вдова Сергея младшего, указала петербургской гражданской палате на существование записи, которой Марфа Гаврилова предоставляла свою часть Сергею младшему, как своему сыну, а местная В-ая палата в то же время обратилась к Климу Ивановичу с такого рода запросом: «В завещании Марфы Гавриловой упомянуто об оставленном вам расписании, в котором обозначено: «кого и чем из ее части следует наградить», но расписания этого вы не представили» и т. д. Хотя и после этого напоминания Клим Ивано-

вич продолжал дело, но в конце концов делать было нечего, и вот через 10 лет по смерти Марфы он наконец представил палате это злополучное для себя расписание, и вот после всей этой оказии те лица, которым все сие ведать надлежало, растолковали наконец непонятливому на этот раз Климу Ивановичу, что он в завещании хоть и назначен душеприказчиком и распорядителем части Марфы Гавриловой, но что это-де не значит, что вы владелец и собственник этой части, а потому-де вы и должны от этой части отказаться в пользу ее сыновей и законных наследников: Сергея, Александра и Григория, а так как эти лица примерли, то отдать эту часть малолетним детям Григория, над которыми будет учреждена опека.

Итак, Клим Иванович волей-неволей должен был наконец расстаться с миллионною частью Марфы Гавриловой, из которой в продолжение многолетнего своего управления он повысосал порядочно-таки соку и составил себе порядочный капиталец, а потому и после такой неприятной для него оказии тужить ему, конечно, особенно было не о чем.

Как ни бедствовала при жизни Марфа, но она жила аккуратно и, в виду получения будущих благ, не делала долгов; не то пошло после ее смерти. После нее один за другим умерли ее два сына: Сергей меньшей и Александр, и остался в живых один только Григо-

рий, который, получив один всю материнскую часть, в самом непродолжительном времени наделал до 700 тысяч рублей долга, и в 1840 г. правительство нашло нужным учредить над ним опеку.

Следует сказать при этом, что Григорий был не мот и не кутила, а, напротив того, человек очень тихий и скромный, хотя и не совсем трезвой жизни. Каким же образом произошел такой значительный долг? – спросите вы. А произошел он очень просто. До получения своей наследственной части Григорий жил в Петербурге в крайней нужде и, постоянно имея надобность в деньгах, делал займы, причем, занимая рубль, он давал вексель на десятки рублей, благо в Петербурге нашлось немало людей, дававших на таких условиях займы будущему наследнику Богачева; таким-то простым способом долг Григория и вырос до громадной цифры.

В 1838 г. в жизни Григория произошла значительная перемена: он женился на красивой и образованной девушке Варваре; молодая Богачева тотчас же отстранила от мужа различного рода проходимцев и взамен того сама стала оказывать на него самое благотворное во всех отношениях влияние, которое, впрочем, продолжалось недолго: в 1845 году Григорий умер, а в начале 1846 г. умерла и Варвара, оставив двух малолетних детей, сына и дочь. Однако попра-

вить дела Григория, да и вообще дела наследников Богачева, было уже невозможно, так как все его громадное имение в самом своем основании было потрясено еще Федосьей Григорьевой, а потом в досталь разбито благодетельной опекой. Как будто над всем богачевским имением со всех сторон понадвинулись грозные тучи, и невозможно было предвидеть, разразятся ли они страшною грозой или рассеются постепенно, и нельзя было предвидеть, когда опять прояснится горизонт над богачевскими имениями, да и прояснится ли он?.. Прежде всего заводы и прочее имение старика Богачева были кругом в долгу; над ним тяготели долги частные, долги опекунскому совету, подати горному правлению, правительственные ссуды, различные пени и, вдобавок ко всему этому, губительные для заводов *заторжки*.

Может быть, не всем читателям знакомо это злополучное слово, а потому постараемся объяснить смысл его простым и наглядным примером.

В 1834 г. один из опекунов богачевских заводов, некто Пирогов, горный чиновник Васильков и селезневская заводская контора заключили с купцом Авдюшкиным и К^о контракт о запродаже ему имеющихся налицо и будущих заводских изделий, на сумму 1,5 милл. рублей. Такого-то рода контракты на запродажу заводских изделий на местном заводском жаргоне

и назывались заторжкой. Эта заторжка была настолько невыгодна, что опекун Пирогов не счел возможным скрыть ее невыгоду перед местной дворянской опекой; однако опека, хорошо помня, что как ни невыгодна для заводов эта заторжка, но что в результате ее непременно достанется «всем сестрам по серьгам и всем старцам по ставцам», – эту заторжку утвердила. Полнейшая же невыгодность этого контракта была ясна до очевидности: напр., цены назначены так низко, что приходились даже ниже своих заводских цен, не говоря уже про цены базарные; но и это еще не все. По условию, заводы, или, вернее, опекуны заводов, могли, по своему усмотрению, делать (и делали) уступку по 17 к. с пуда и с этих цен, а из этих уступок образовались, конечно, у покупателей крупные суммы, на которые Авдюшкин и К^о опять-таки покупали заводские изделия; таким образом и выходило, что Авдюшкин платил хозяину за его же изделия его же собственными деньгами. Мало того, Авдюшкину дозволено было иметь на заводе свой амбар для склада изделий; но что всего любопытнее, так это то, что богачевские заводы обязаны были платить Авдюшкину за провоз своих изделий на Селезневский завод, в его, Авдюшкина, амбар. Наконец одним из пунктов контракта Авдюшкин обязан был внести в заводскую контору, в виде задатка, 215 тыс. рублей; но при этом ин-

тересен способ, которым должен был зачитаться задаток, а именно: на какую сумму в продолжение месяца Авдюшкин наберет изделий, половина этой суммы должна быть зачтена в уплату задатка; но так как, до времени полного зачета задатка, часть его неизменно должна остаться в кассе конторы, то ведь не лежать же этим деньгам непроизводительно для тех же покупателей компании Авдюшкина; и вот положили в виду этого на том, что та же несчастная и без того уже разоренная заводская контора обязана платить Авдюшкину за незачтенную еще часть задатка известные проценты! Одним словом, разорение заводов полное и велось вполне систематически. Наконец дело было доведено до того, что в конторе не оказалось уже и денег для уплаты мастеровым и на другие заводские нужды. Как бы вы думали, читатель, как поступили в этом случае заводские опекуны? Да вот как: они вступили в сделку с Авдюшкиным и выкинули такую штуку: так как в заводской конторе денег не было, то они, опекуны, просили Авдюшкина рассчитывать за взятый им товар не помесечно, как было до сих пор, а понедельно, и притом чистыми деньгами, т. е. без зачета задатка, контора же обязалась эту задаточную сумму, с причитающимися на нее процентами, обратить в долговую статью. Авдюшкин, понятно, согласился, и вот богачевские знаменитые заводы зятя-

нулись в долги, которых, конечно, не платили, потому что и платить было нечем, и вот, по прошествии 5-ти лет, на селезневской конторе оказалось долгу 104 тысячи, да, кроме того, заводы со времени этой несчастной заторжки понесли около 400 тыс. убытка.

Авдюшкин и К° стали требовать уплаты изделиями, но заводы платить оказались не в состоянии: денег не было, а требуемого Авдюшкиным количества изделий выработать они не могли... Осталось одно – вступить в новую, невыгодную для заводов сделку с Авдюшкиным; так и сделали...

Такого рода разорительные заторжки велись беспрерывно с 1821 по 1838 год, когда наконец правительство приняло участие в судьбе несчастных заводов и, прекратив заторжки, сняло таким образом с заводов эту мертвую петлю.

На заводах Петра и Луки дела шли не так плохо, потому что над ними, худо ли, хорошо ли, наблюдали сами владельцы, но опекуны имущества Григория были не лучше селезневских опекунов и точно так же, разоряя постепенно его заводы, дошли наконец до того, что в один прекрасный день все уцелевшее дорогое движимое имущество селезневского дворца будто бы сгорело в находившейся в конце садовой аллеи каменной беседке, в которой и печи-то никогда не было!

Вот какая горькая участь постигла громадное име-

ние и громадное состояние знаменитого в свое время заводчика – Семена Родионовича Богачева.